

А. А. КОФФЕ (В. КРЫМСКИЙ)

МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

А. А. ИОФФЕ (В. КРЫМСКИЙ)

МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

ЧЕТВЕРТАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
Фонтанка, 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Родившись под знаком борьбы за мир, Советская власть с первого же момента своего рождения должна была перейти в *«мирное наступление»* против буржуазного строя, ибо вооруженное наступление было невозможно, а сосуществование Советской власти с империалистической казалось немыслимым. Империализм, однако, оказался сильнее, чем можно было предполагать, а революционный пролетариат слишком ослабленным четырехлетней кровавой бойней и непрерывным предательством своих старых вождей. Мировая революция задерживалась. Мирное наступление Советской власти становилось средством самообороны ее. Но самооборона эта фактически привела к победе Советской власти над всеми ее врагами.

Однако тяжелая борьба настолько ослабила обе борющиеся стороны, что они уже не в силах *немедленно* раздавить и уничтожить одна другую и вынуждены известный период времени существовать совместно. Казавшееся невозможным фактически осуществляется: советские республики остаются в пределах империалистического мира, и обе стороны не могут уже свои взаимоотношения определять только понятием *война*.

Заключение мира с Польшей служит началом этих новых взаимоотношений между борющимися сторонами. Рижским миром завершается период интервенций, заканчивается эпоха открытой вооруженной борьбы мирового империализма против советских республик.

Условия, еще задолго до Рижских мирных переговоров приведшие к невозможности для западно-европейских импе-

риалистических хищников вести войну против рабоче-крестьянской власти под своими собственным флагом, т.-е. открыто, без маскировок, прикрытий и обмана,—эти условия в дальнейшем своем историческом развитии привели к невозможности такой войны даже под чужим флагом, под прикрытием разнообразных псевдонимов.

Ибо трехлетняя мирная политика России, удержавшая несмотря ни на что под ее знаменами мировой пролетариат, постепенно перетягивала на ее сторону также и те малые народы и государства, под прикрытием которых крупнокапиталистические государства вели свое наступление, а военная мощь и сила сопротивляемости трудящихся масс в советских республиках создавали безрезультатность наступления под руководством генеральско-адмиральской белогвардейской контр-революции.

В своей борьбе буржуазный мир неизбежно должен был притти, и действительно пришел, к *новым* формам.

Рижский мир поэтому является поворотным пунктом в этой борьбе и, как таковой, получает особенное значение и интерес.

Теперь наступает возможность подвести некоторые итоги.

Дать анализ этих условий и последовательное хотя и схематическое изложение вытекающих из них обстоятельств, оставляя в стороне прагматическую историю их, для которой еще не пришло время, является задачей предлагаемой вниманию читателя брошюры.

Автор.

Петербург. Смольный.

Апрель 1921 года.

I.

Агрессивность мирового империализма. Две причины ее.

Октябрьская революция в России вызвала чрезвычайное смущение во всем капиталистическом мире. С одной стороны, она реально ставила в порядок дня тот самый «Красный Призрак Социализма», которым до сих пор крупнокапиталистическая буржуазия пользовалась только как пугалом для политического воздействия на мелкую буржуазию и другие промежуточные классы буржуазного общества, сама, однако, не особенно веря в эту опасность и не слишком дрожа перед нею, а с другой стороны, Октябрьская революция, выведившая громадную Россию из строя империалистических конкурентов, невероятно усиливала аппетиты и чрезвычайно окрыляла надежды отдельных, особенно сильных и особенно конкурировавших с бывшей царской Россией грабителей на большой дороге международного капиталистического хищничества.

Сначала эти два обстоятельства были еще мало заметны. Ибо Октябрьская революция возгорелась в период мировой войны, когда все государства в мертвой схватке еще цепко держали друг друга за горло. В этот период все вопросы могли рассматриваться только с точки зрения содействия победе той или другой стороне. Истощенный мир, не только живший за счет капитала, накопленного веками предыдущей творческой работы, но и воевавший за счет этого капитала, не производивший ничего вновь, но расстреливавший и взрывававший на воздух запасы прошлого,—не мог жить и—что тогда казалось важнее—не мог воевать, не используя

всех запасов, еще существовавших где бы то ни было в мире. Американский фермер в деле снабжения воюющей Европы не был еще достаточно активен, да и вообще не мог иметь тогда решающего значения в силу дальности расстояния и еще неприспособленного транспорта. Громадный российский украинский резервуар сырья должен был поэтому привлекать к себе взоры всех воюющих. Октябрьский переворот, по мнению западно-европейских политиков лишивший Россию армии и ослабивший ее, в их представлении выдавал Россию на поток и разграбление воюющей Европе.

Но если алчность Антанты могла по необходимости быть более пассивной, ибо ни в Англию, ни во Францию, ни в Италию ничего или почти ничего из России привезти нельзя было,—то алчность Германии и ее союзников должна была быть особенно активной. Борьба Антанты против России ограничивалась—независимо от общего всей буржуазии стремления раздавить революцию—стремлением в интересах своей победы над Германией не допускать хозяйничания последней в России; борьба Германии против России сводилась к жажде как можно больше захватить у нее. До сих пор еще многие, не особенно разумные и не особенно глубокомыслящие антантовские политики продолжают думать, что выход России из войны и создавшаяся возможность для Германии кое-что все же черпать в России на ряд месяцев затянули мировую войну. Эти слепцы не понимают, что Октябрьская революция более всего революционизировала самое Германию, а внешняя политика Советской России в громадной степени способствовала этому. Они не хотят признать, что крушение германского милитаризма гораздо более явилось следствием нарастания внутреннего революционного процесса в Германии, нежели результатом действия антантовских пушек и танков, и что таким образом рабоче-крестьянская Россия содействовала прекращению мировой войны много реальнее, нежели какая бы то ни было другая сила в мире.

Как бы то ни было, в этот период все вышеизложенное еще не было ясно. Парадоксальность положения, когда единственное государство, вступившее с Советской Россией, а затем подписавшее с нею мир, все время фактически оставалось активнейшим ее врагом,—еще никому не бросалась в глаза. Германия была ослеплена и упоена своим могуществом и своими военными успехами и, действительно, стремилась более всего к тому, чтобы выжать из России как можно больше средств для продолжения войны и облегчения

ее, тогда казавшейся несомненной, победы. И злейшим врагом Советской России в этот период оставалась именно Германия.

Как во время Брестских переговоров, так и после Брестского мира этим стремлением к грабежу России и Украины определялась и диктовалась восточная политика Германии. Территории, богатые в том или ином отношении и нужные как поставщицы тех или иных видов снабжения, насильно захватывались и искусственно задерживались в сфере влияния Германии.

Но так как и вторая причина империалистической агрессивности, *страх перед пролетарской революцией*, все время сохраняла свою силу и значение и тесно сплеталась с первой, то Германия своей грабительской политики не могла осуществлять прямо и открыто. С одной стороны, она вынуждена была свой грабеж проводить так, чтобы перед германскими народными массами создавалась иллюзия близкого мира, для чего необходима была демонстрация миролюбия Германии, убеждение, будто она не стремится к аннексиям и контрибуциям и, следовательно, не является причиной продолжения войны; с другой стороны, необходима была дань времени в виде хотя бы словесного признания и хотя бы обманного проведения в жизнь выдвинутых российской революцией и воспринятых трудящимися всего мира лозунгов свободы и самоопределения малых и угнетенных народов.

Лавируя, таким образом, между Сциллой капиталистического накопления и империалистического грабежа и Харибдой политической необходимости не грабить, а защищать от чужого грабежа, Германия все время вела свою восточную политику, обманывая угнетенные народы, обманывая собственные трудящиеся массы, обманывая себя самое. Сталкиваясь на пути этого обмана с другими не менее ловкими империалистическими обманщиками и постоянно наталкиваясь на противодействие, создаваемое открытой и ясной политикой Советской России, императорская Германия в конце-концов споткнулась на этом обмане, и ее политика вместо того, чтобы привести к ее победе, привела к германской революции и к военному разгрому Германии.

Мировая война была окончена. Если бы империализм мог руководствоваться только своими классовыми инстинктами, теперь произошло бы объединение всех буржуазных сил мира в целях подавления пролетарской революции и уничтожения самих корней ее. Но империализм не мог отказаться

от своей хищной сущности и, даже борясь за собственное существование, продолжал коситься на то, что плохо лежит, и запускать свои лапы туда, где можно пограбить. Политика, приведшая к крушению кайзерской Германии, столь же неразумно, но не менее последовательно проводилась и Антантой.

Ни на секунду не забывая первопричины и цели своей агрессивности, уничтожения рабоче-крестьянской власти там, где она есть, Антанта не забывала своих империалистических интересов и, по примеру недавней Германии, захватывала те районы России и Украины, которые сулили наибольшие капиталистические выгоды.

Германия в свое время нуждалась более всего в довольствии, и для нее Украина представляла наибольший интерес. Поэтому-то Украина под видом ее «самоопределения» была первой оккупирована немецкими войсками. Важное значение, однако, имели и богатые Донская и Кубанская провинции, поэтому-то, во весь период «мирных и дружественных» отношений с Россией, — Германия не устала энергично поддерживать мятежного генерала Краснова в его борьбе против России. Наконец, бакинская нефть и марганцевая руда Грузии представляют громадные капиталистические блага, и на этой почве кайзерская Германия еще в период мировой войны уже сталкивалась с Англией.

В то же время, в предвидении будущего возрождения России и укрепления ее военной, — а в представлении врагов ее, и империалистической, — мощи, мировой империализм, стремясь к ослаблению «будущей» России, не мог равнодушно относиться к окраинам бывшей Российской Империи, и политика Германии, сводившаяся к захвату в сферу своего влияния и использованию *против* Советской России всех окраинных, особенно балтийских, республик, — впоследствии проводилась и Антантой.

Однако Антанта, сверх обще-империалистических, имела и имеет еще и свои интересы в России. Японии нужен Дальний Восток, — и до сих пор японский империализм не дает там России покою; Франция, являясь злейшим врагом пролетарской революции вообще, стремится также к получению своих долгов от России, — и поэтому до сего времени гадит, где только может; для Англии важны приморские области, — и поэтому ее оккупация началась с Мурманского побережья. На Востоке также особенно заинтересована Англия, — и ее столкновения с Россией там все время были неизбежны и остаются неизбежными даже и в будущем.

Так мировой империализм, несмотря на разнообразие форм и этапов своей борьбы, все время подталкиваемый двумя взаимно-перекрещивающимися импульсами, вел свою агрессивную политику против России.

Как указано, открытая война против Советской России очень скоро оказалась недоступной для империалистов, ибо симпатии трудящихся масс во всем мире были и, несмотря на все перипетии борьбы, оставались не на стороне врагов Советской власти. Империалистическая агрессивность могла легче и лучше всего развиваться под видимостью помощи малым республикам в их войне против России. При такой тактике империалистический вдохновитель оставался в стороне, а перед пролетарским общественным мнением мира в роли воинствующих врагов советских республик выступали, с одной стороны, русские же люди (хотя и адмиральской или генеральской формации), а с другой стороны—«самостоятельные и независимые» республики, создавшиеся по принципу самоопределения народов. Именно эту тактику борьбы против Советской России с самого начала проводила Германия и ее же приняла впоследствии Антанта, несмотря на свой антагонизм и вражду к Германии.

Такая тактика наступления на Советскую Россию диктовала последней и соответственную тактику обороны.

II.

Самооборона Советской власти.

Еще до победы пролетарской революции в России было ясно, что такая революция может победить только как мировая.

Октябрьская революция в момент кровавой бойни народов естественно родилась под знаком борьбы за мир. И эта борьба в данной ситуации неизбежно становилась *борьбой за мировую пролетарскую революцию*.

Октябрьская революция должна была дать пролетарскому миру лозунги, разрешавшие все империалистические противоречия, приведшие к мировой войне: Но так как эти лозунги выходили из недр революции и должны были удовлетворять интересам наиболее революционных классов общества,—то и сами они могли быть только революцион-

ными лозунгами, т.-е., с одной стороны, они неизбежно содействовали революционизированию пролетарского мира, с другой же стороны, по этой самой причине были совершенно неприемлемы для буржуазии и ее идейных вождей.

Как известно, одним из первых декретов Советской власти, на другой день после революционного переворота, был «декрет о мире», ставивший все точки над *i* и явившийся началом новой эпохи в международных взаимоотношениях государств и в международной политике.

Первое выступление Советской России на международной арене ознаменовалось попыткой поддержки и защиты принципов, положенных в основу этого «декрета о мире». На первом же заседании мирной конференции в Брест-Литовске 22/9 декабря 1917 года председатель Российской Мирной Делегации, пишущий эти строки, от имени Советской России огласил декларацию, которую, в виду ее важности и недостаточного с ней знакомства, мы позволяем себе воспроизвести здесь целиком.

«Русская делегация исходит из ясно выраженной воли народов революционной России добиться скорейшего заключения всеобщего демократического мира. Делегация полагает, что единственными принципами такого мира, для всех одинаково приемлемыми, являются принципы, выраженные в декрете о мире, единогласно принятом на всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов и подтвержденном на всероссийском крестьянском съезде.

«Декрет этот гласит: «справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,—миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий, т.-е. без захватов чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей и без контрибуций. Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно

удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, в Европе ли или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

«Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию,—все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или в возмущениях и восстаниях против национального гнета,—не предоставляется право свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией или захватом и насилием.

«Продолжать эту войну ради того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет, свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях».

«Исходя из этих принципов, Российская делегация предлагает положить в основу мирных переговоров нижеследующие шесть пунктов:

1) Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2) Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.

3) Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности, путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев.

4) По отношению к территориям, сообитаемым несколькими нациями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию.

5) Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так-называемых «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран.

6) Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3, 4.

В дополнение к этим пунктам Российская делегация предлагает договаривающимся сторонам признать недопустимыми какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как-то: экономический бойкот, подчинение в хозяйственном отношении одной страны другою при помощи навязанного торгового договора, сепаратные таможенные соглашения, стесняющие свободу торговли третьих стран, морскую блокаду, не преследующую непосредственно военных целей, и т. п. Вот те основные принципы, одинаково для всех приемлемые, без признания которых делегация Российской Республики не представляет себе возможности заключения всеобщего мира» ¹⁾.

Здесь впервые даны были принципы, на основе которых могли быть разрешены *мирным путем* спорные вопросы, до сих пор всегда приводившие к войне. Здесь впервые провозглашено было *право восстания*; здесь впервые было признано право народов самим решать свою судьбу и резко осуждалось даже замаскированное насилие над слабыми народностями. Здесь Рабоче-Крестьянская Россия, в надежде на поддержку рабочих и крестьян всего мира, *выступала не в роли обороняющейся стороны, но в роли наступающей, борющейся против всех зол, несправедливостей и противоречий буржуазного строя.*

И такова была сила этих простых и ясных революционных идей, что они не только были подхвачены трудящимися всего мира, но *на словах* были приняты и буржуазией так, что до сих пор ни одно правительство в мире не рискует открыто отказать от них, а знаменитые «14 пунктов» президента Соединенных Штатов, Вильсона, одно время служившие символом веры мирового империализма, являются, в

¹⁾ «Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г.» Т. I. Пленарные заседания. Заседания политической комиссии. Полный текст стенограмм под редакцией и с примечаниями А. А. Иоффе (В. Крымского) с предисловием Л. Д. Троцкого. Изд. Н. К. И. Д. 1920 г. Стр. 6 и след.

действительности, только плохой подделкой под эти самые лозунги.

Но тем не менее в данный период Брестские переговоры ни к чему более серьезному, чем ряд забастовок и демонстраций идейной поддержки Советской России, не привели. Мировая революция задерживалась и задерживалась также более близкая революция в Германии. Борьба за мир, проводимая Советской властью, из орудия наступления должна была стать средством обороны. «Мирная оффензива» Советской России продолжала оставаться одним из действительнейших средств революционизирования мирового пролетариата, и в этом смысле продолжала быть одним из важнейших методов наступления на капиталистический мир, но выявившаяся и осознанная задержка пролетарской революции в наиболее сильных капиталистических государствах и продолжающаяся развиваться агрессивность этих последних против России,—для данного периода делали из этого же мирного наступления одну из радикальнейших (а в первое время даже единственную) возможностей *самообороны* Советской власти.

Обессиленная, оставшаяся без армии Россия, вынуждена была принять Брестский мир таким, каким его могла в то время навязать ей Германия. Но и приняв его, она не могла, конечно, не бороться против него.

Уже при этой капитуляции России громадную роль сыграла возможность для Германии использовать националистические предрассудки мелкобуржуазных мещанских правительств, в особенности так-называемой Украинской Рады; и план дальнейшего империалистического наступления на Советскую Россию через украинские и другие окраинные ворота, таким образом, заранее предначертался. Советская дипломатия, вынужденная перейти к обороне в то время, когда Германия, пользуясь своими «договорами» то с Украиной, то с Грузией, Арменией или Азербейджаном, либо же ею создаваемыми восстаниями казацких генералов, все глубже врзалась в живое тело России,—должна была пользоваться всеми возможностями для ослабления этого чрезвычайно болезненного насилия. Российская дипломатия была однако достаточно честной, чтобы, подписывая Брестский мир, открыто заявить, что признает его миром насилия и будет пользоваться всеми находящимися в распоряжении России средствами для борьбы против него.

Не так поступала Германия. Она продолжала захватывать одну за другой российские территории, даже граби-

тельским Брестским миром признанные не за Германией, а за Россией. Обязавшись по мирному трактату не вмешиваться во внутренние дела России, она продолжала не только оружием, деньгами и всем необходимым поддерживать казачью контр-революцию в России, но на окраинах России (в Литве, Белоруссии, Эстонии) создавать и организовывать северо-западную армию, ту самую, которую впоследствии доделала Франция и двинула под командой Юденича на Петербург. Держа в своих руках все окраинные республики, Германия подготавливала их, как впоследствии Антанта, к походу против России и опять-таки, как впоследствии Антанта, создавала из них белогвардейские буферы против Советской России. Российским политикам не оставалось ничего другого, как бороться тем же оружием.

Возможности воздействия на окраинные республики тогда еще почти не было. Действительной силы для противодействия военному наступлению тоже еще не существовало. Единственным методом противодействия германскому натиску являлась попытка, с одной стороны—использовать разумно и реально мыслящие политические партии Германии, понимающие всю гибельность для Германии же военной авантюры,—в интересах противодействия этим авантюрам, и с другой стороны—отплата Германии ее же монетой, т.-е. вмешательство во внутренние дела Германии и совместная с германскими левыми революционными партиями революционная работа. И то и другое посильно выполнялось российским представительством в Германии.

В этой тяжелой борьбе победа осталась не на стороне германского империализма. Вспыхнула германская революция, и хотя она не была доведена до конца, но германский милитаризм был сокрушен, а вместе с ним уничтожена была и германская агрессивность в отношении России, ибо у побежденной Германии явился своих хлопот полон рот и ей приходилось и приходится отбиваться от грабительского нажима Антанты и не до того, чтобы продолжать свой грабеж России, да и не по силам уже это больше.

С этой стороны Советская Россия была избавлена от злейшего своего врага, и в этом направлении ее политическая самооборона увенчалась полным успехом.

Но как было указано, духовное наследие Германии переняла Антанта. Последняя не только вывезла к себе из Берлина уплоченную Россией золотую контрибуцию, но и переняла от Германии заботу о поддержании Краснова теперь он назывался Калединым), об организации «северо-

западной армии» о «дружественном» союзе с Польшей, Финляндией, Литвой, Латвией, Эстонией, Грузией, Арменией и Азербейджаном. Ко всему этому Антанта прибавила еще кое-что от себя—и появился Колчак, явившийся преемственным наследником чехо-словацкой контр-революции. Расправившись с одним врагом, Германией, Советская Россия стояла лицом к лицу с десятком других.

Но время было выиграно, передышка, полученная революционными рабочими и крестьянами России, была использована. Теперь существовала могучая Красная Армия, и голыми руками Советской России уже взять нельзя было. С другой стороны, самый факт столь длительного существования, с самого начала обреченной буржуазией на гибель, Советской власти, ее стойкая и мужественная оборона, наконец, честная и открытая ее внешняя политика — чрезвычайно высоко подняли ее престиж в глазах мирового пролетариата.

В дыму и пламени гражданской войны разрушался искусственно державшийся «социальный мир» в Европе, и рушилось шаткое равновесие «соглашения классов», на место которого с еще большим ожесточением поднимались классовая борьба и ненависть. Дрожали и падали троны, и вместе с ними втаптывался в грязь ореол непобедимости старых монархий и цезаристских устоев. Все более выяснялось, что, несмотря на новую оболочку, хищный империализм сохраняет свою старую грабительскую сущность; все более понятным становилось, что хорошие, воспринятые от революции, слова о свободе и праве народов самим решать свою судьбу остаются только *словами*, а на деле «великие державы» продолжают стремиться к подавлению всех, кого можно давить, и к установлению своего призрачного господства на костях тех, кого на словах охраняют.

Колчак, Деникин, Юденич терпели поражение за поражением, и малые соседи Великой России начинали подумывать о том—не лучше ли им примириться с последней и, вместо того, чтобы постоянно обжигаться, вытаскивая каштаны из огня революции для своих империалистических хозяев, не лучше ли попытаться *действительно самим* устроить свою судьбу.

Первой на этот путь вступила Эстония и, несмотря на громадные политические ошибки, допущенные эстонскими государственными деятелями, несмотря на то, что Эстония приняла деятельное участие в походе Юденича на Петербург, несмотря на то, что при ликвидации юденичской авантюры для России не представляло бы больших трудно-

стей продолжить эту ликвидацию дальше, не останавливаясь на государственных границах Эстонии, и ликвидировать ее самое,—несмотря на все это Эстония с первого же момента мирных переговоров встретила самое благожелательное отношение России к своим нуждам и потребностям и получила мир максимально для нее выгодный. Политика «мирного наступления» в эстонских переговорах могла получить свое реальное осуществление, и эта возможность необходимо должна была быть использована.

Вступив в мирные переговоры с Советской Россией в период международной экономической и политической блокады последней, такое маленькое государство, как Эстония, по-своему, совершало геройский шаг. Без внешней поддержки Эстония существовать не могла. Расчета на Россию тогда еще быть не могло, ибо Советская Россия представлялась как группа злостных агитаторов, ни о чем кроме мирового революционного пожара не помышлявших и никакими реальными интересами не руководившихся, но в то же время Эстония, начавшая мирные переговоры с Россией в ноябре 1919 г. и прервавшая их,—очевидно, под давлением Антанты,—для содействия и участия в юденичском походе на Петербург, не могла рисковать собою и, не доверяя уже по-прежнему Антанте, опасаясь, что при ликвидации Юденича может быть ликвидирована и Эстония,—должна была попытаться заключить мир с Россией.

Хотя, по имевшимся тогда сведениям, Антанта на прямой запрос Эстонии о возможности мирных переговоров с Россией ответила разрешением этого, но во время мирных переговоров Эстония опасалась, что в результате их она сама может быть подвергнута блокаде. Тем более сильны были эти опасения, что Финляндия, Латвия и Литва, которые должны были участвовать в переговорах *совместно с Эстонией*, в последний момент убоялись этого решительного шага, и Эстония вступила в переговоры одна и одна же их закончила.

С другой стороны, весь буржуазный мир понемногу начинал уже сомневаться в действительности военной интервенции под руководством старых царских генералов и начал сознавать необходимость экономической связи с Россией, а потому смотрел на российско-эстонские переговоры, как на пробный камень реальности советской политики и возможности мирного с ней соглашения. Это в свою очередь диктовало особливую осторожность советской дипломатии. Поэтому в первых же выступлениях российской делегацией

были даны те программные пункты, которые впоследствии легли в основу всех заключенных Россией мирных трактатов с ближайшими ее соседями.

В переговорах с Эстонией, российской делегацией открыто было заявлено, что «война между Россией и стремящимися к своей самостоятельности республиками, создавшимися на территории бывшей Российской Империи, является жесточайшим недоразумением, ибо, не говоря уже о тесных экономических и исторических узах, связывающих их, — освободительная война против народа, первым провозгласившего принцип права наций на свободное самоопределение и борющегося за него, не должна была бы иметь места». В этих же переговорах впервые было указано на возможность сотрудничества России с буржуазными демократическими республиками. «Разница во внутренней политике, глубокая пропасть, существующая между теми принципами, на которых строится жизнь народов, населяющих Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, и методами, которыми осуществляется власть всех остальных правительств больших и малых государств, не должна была бы быть причиной военных столкновений, ибо, в твердой уверенности, что недалек момент, когда все народы поймут выгоду для них советского социалистического строя, а все правительства неизбежность его, — российский революционный пролетариат спокойно дожидается этого момента и никому не навязывает своих принципов силой», — заявлено было российской мирной делегацией во время российско-эстонских переговоров.

Реальная программа мирного сожительства Советской России была этим дана, но в тогдашних условиях это не могло быть достаточным, *ибо реальные гарантии мирного сожительства должны быть даны и другой стороной.* Гарантии международного права, обязывавшие всякое государство, заключающее мир, действительно соблюдать этот мир, были недостаточны, ибо Советская Россия в своей краткой практике сталкивалась с новыми парадоксами жизни, когда при отрицании состояния войны фактически сталкивались вооруженные силы и ручьями проливалась кровь. Нужно было поэтому прямо сказать, что тот мир, которого хочет Россия, *должен быть действительно миром,* и что Советская Россия не потерпит никакой военной авантюры, которая будет проводиться под различными прикрытиями после заключения мира. Должны были быть истребованы гарантии того, что враги Советской России не попы-

таются использовать мирных переговоров только для подготовки нового наступления. Поэтому российская делегация с самого начала заявила, что военные действия не будут приостановлены и перемирие не будет подписано до тех пор, пока не будут приняты другой стороной так-называемые «военные гарантии». Военные гарантии, которых требовала Россия, заключали в себе нижеследующие положения, которые, в виду их значения, приводим целиком: «Обе договаривающиеся стороны обязуются:

1. Воспретить пребывание на своей территории каких-либо войск, кроме войск правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена военная конвенция, но которые не находятся в фактическом состоянии войны с другой из договаривающихся сторон, а равно запретить в пределах своей территории вербовку и мобилизацию личного состава в ряды армий таковых государств, а также организаций и групп, ставящих своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной.

2. Разоружить не бывшие подчиненными правительствам договаривающихся сторон до 1 октября тысяча девятьсот девятнадцатого года сухопутные части и морские силы, находящиеся на их территориях, нейтрализовать и иммобилизовать на время по первое января тысяча девятьсот двадцать второго года все военное и морское имущество, материалы артиллерийские и интендантские (кроме продовольственных и вещевых), инженерные, воздухоплавательные, т.-е. орудия, пулеметы, винтовки, холодное оружие, огнестрельные припасы, аэропланы, броневики, танки, броневые поезда и прочее военное имущество означенных сухопутных частей и морских сил, за исключением военного имущества и технических средств, принадлежащих договаривающимся сторонам или другим государствам и данных в пользование означенным частям и силам, причем военное имущество и материалы, принадлежащие другим государствам, должны быть вывезены в шестимесячный со дня ратификации настоящего мирного договора срок. Разоружение поименованных сухопутных и морских сил, а также иммобилизация и нейтрализация упомянутых выше военных складов, всего военного имущества и технических средств неправительственных войск должны быть закончены: первые тридцать процентов всего количества сухопутных и морских сил и имущества, подлежащего иммобилизации и нейтрализации, в семидневный со дня ратификации мирного договора срок, а

затем в каждую последующую неделю по тридцать пять процентов всего указанного количества ¹⁾).

3) Воспретить солдатам и командному составу неправительственных войск, подлежащих разоружению на основании предшествующего (2) пункта, вступать под каким-либо видом, в том числе и в качестве добровольцев, в правительственные войска договаривающихся сторон за исключением:

а) лиц эстонской национальности, проживавших вне пределов Эстонии, но оптирующих в ее пользу;

б) лиц не эстонской национальности, проживавших на территории Эстонии до первого мая тысяча девятьсот девятнадцатого года, не оптирующих в пользу России;

в) лиц не эстонской национальности, не оптирующих в пользу России и служивших в правительственных войсках Эстонии до двадцать второго ноября тысяча девятьсот девятнадцатого года.

Перечисленные в подпунктах а, б, в категории лиц имеют право вступления в правительственные войска Эстонии.

4. а) Воспретить государствам, находящимся в фактическом состоянии войны с другой стороной, и организациям и группам, ставящим своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, перевозку через свои порта и по своей территории всего того, что может быть использовано для нападения на другую договаривающуюся сторону, а именно: принадлежащих таковым государствам, организациям и группам вооруженных сил, военного имущества, военно-технических средств и материалов, артиллерийских, интендантских, инженерных и воздухоплавательных.

б) За исключением случаев, предусмотренных международным правом, воспретить пропуск и плавание в своих территориальных водах каких-либо военных судов, канонерок, миноносцев и т. д., принадлежащих или организациям и группам, ставящим своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, или же государствам, находящимся с другой договаривающейся стороной в состоянии войны, и имеющих своей целью нападение на другую договаривающуюся сторону, буде таковые цели становятся известными той из договаривающихся сторон, к территории которой относятся эти территориальные воды и порта.

¹⁾ Этим осуществлялась ликвидация остатков так-называемой «северо-западной армии».

5. Не допускать образования и пребывания на своей территории каких бы то ни было организаций и групп, претендующих на роль правительства всей территории другой договаривающейся стороны или части ее, а равно представительств и должностных лиц организаций и групп, имеющих своей целью низвержение правительства другой договаривающейся стороны.

6. Одновременно с ратификацией мирного договора правительства договаривающихся сторон обязуются взаимно представить данные о состоянии неправительственных: войск, военных складов (подвижных и неподвижных), военного и технического имущества, находившегося на их территории к моменту заключения договора о приостановке военных действий, т.-е. тридцать первому декабря тысяча девятьсот девятнадцатого года.

7. Для наблюдения за выполнением соответствующих военных гарантий учреждается смешанная комиссия, состав, права и обязанности которой определяются согласно инструкции, в приложении к сей статье приведенной.

Это соглашение, в известном смысле выражавшее недоверие старому международному праву и освященным традициями международным обычаям, создало новый прецедент, и в той или иной форме повторялось не только во всех договорах, которые заключала впоследствии Советская Россия, но принято было и другими государствами, например, было включено в договор между Германией и Латвией. Политика допущения военных действий в период юридических мирных отношений, политика *проведения войны под псевдонимом в этом соглашении нашла свое юридическое осуждение. С одной стороны, сугубо подчеркивалось миролюбие Советской России, а с другой стороны—открыто утверждалась реальность только такого мира, который по существу являлся бы миром.*

Конечно, не сразу сказались результаты российско-эстонских мирных переговоров, но все же они сказались. И прежде всего они сказались в том, что оценка буржуазными государствами России изменилась. Слабые и угнетенные народы начали реально понимать, что Советская власть не враг им, а друг. В мирных переговорах с Эстонией в этом смысле ярко выявилась сущность советской внешней политики.

Мирные переговоры с Эстонией были первыми переговорами, в которых Советская власть могла действительно

показать свою истинную приверженность и верность ею провозглашенным принципам.

До сих пор Советская Россия на международной арене сталкивалась только с более сильными, чем она, противниками. Выдвинутые ею принципы служили ей для самозащиты. Когда в Брест-Литовске в продолжение ряда месяцев российская делегация с энергией и упорством защищала право народов на свободное самоопределение, то можно было думать, что этим защищаются права Украины, Литвы, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Грузии, Армении и Азербейджана оставаться в пределах России, т.-е. можно было говорить, что Россия защищает *свои* империалистические выгоды, точно так же, как Германия защищает *свои*, и все свои возражения строит поэтому в целях такого «самоопределения» народов, при котором нужные ей территории фактически ею аннектировались. Но в переговорах со *слабейшим* противником этих сомнений уже быть ни в коем случае не могло. Каждая пядь земли, уступленная Эстонии, отрезалась от территории бывшей Российской Империи; каждый фунт золота, переданный Эстонии, вынимался из подвалов бывшего российского государственного банка. Если Советская Россия и здесь оставалась верна своим принципам, она наглядно доказывала, что *в мире народилась новая власть*, для которой справедливое остается справедливым, даже будучи чрезвычайно невыгодным и тягостным. Понятно, что если бы Советская Россия поколебалась теперь, она этим дала бы право сомневаться в том, лучше ли она любого империалистического государства, признающего, как, например, Англия право самоопределения народов, никакого интереса для английского империализма не представляющих, но ни в коем случае не признающего этого права, например, за ирландским народом. Твердо памятуя о том, что спасение Советской России в сочувствии ей трудящихся всего мира и в поддержке последних,—советская дипломатия должна была воспользоваться этим удобным случаем выступления на мировой арене для выявления своей действительной физиономии, для доказательства своей отличности от всех других великих государств.

Нужно помнить, что борьба мировой буржуазии против советского режима все время велась не только путем вооруженных интервенций и экономической блокады, но и путем ловко проводимой кампании лжи и клеветы. Несмотря на то, что весь буржуазный мир вопил и вопит о большевистской агитации и пропаганде, в действительности *антибольше-*

вистская агитация и пропаганда велась и ведется в гораздо более широких размерах: блокируются ведь не только российские товары, но и российская литература, и не даром Советская Россия все время окружалась сплошным кольцом белогвардейских буферов, что является основой борьбы буржуазии против «большевистской заразы». Единственно действительной пропагандой для России являлась поэтому *пропаганда действием*, т.-е. мирная внешняя политика, затушевывать которой невозможно никакими литературными ухищрениями. Мир с Эстонией явился одним из таких пропагандистских моментов, и его влияние поэтому было огромно. Влияние это сказалось не только на трудящихся массах, которые и без того не верили буржуазным наветам на Советскую власть и продолжали относиться к ней с сочувствием и симпатией, но влияние было оказано и на буржуазные классы малых и угнетенных народов. Борьба за национальное освобождение, право свободного самоопределения народов давно уже стали *знамением нового времени*, и хотя открыто ни одно правительство не рисковало выступать против этих принципов, но хищные когти слишком часто высовывались из бархатных лапок империалистов, и малые народы, ждавшие поддержки и помощи, вместо этого слишком часто должны были за малейшую услугу платить собственным телом и кровью. В мире капиталистической эксплуатации и наживы иначе и быть не могло. В погоне за прибавочной ценностью экономически более сильная буржуазия давит и угнетает более слабую, и малые, вновь создававшиеся республики обрекаются таким образом на голодное существование, разоряются и нищают, служа только средством обогащения для буржуазии государств более старых и капиталистически более сильных.

Советская Россия, уничтожившая капиталистическую конкуренцию у себя дома, конечно, не могла руководствоваться соображениями этой конкуренции в своей внешней политике. Экономическая близость и связь территорий, еще недавно входивших в состав Российской Империи и в продолжение веков составлявших не только политическое, но и экономическое с ней единство, не могли быть аннулированы одним росчерком пера, голым провозглашением государственной независимости и самостоятельности этих территорий.

Новые республики, сначала ориентировавшиеся на Германию, затем перешедшие в сферу влияния Антанты, вскоре убедились, что как в первом, так и во втором случае их независимость является призрачной и иллюзорной, что как в

первом, так и во втором случае они ничего не получают, но только дают; и при первом же реальном мирном столкновении с Советской Россией они поняли, что это единственное государство, которое ничего от них не требует, но все может им дать, и что только одна Россия в силах вывести их из того тупика, в котором они находятся, и, несмотря на классовую ненависть к пролетарской власти, неизбежно существующую у буржуазных классов какого бы то ни было государства,—тягостное положение малых республик заставило их попытаться ориентироваться на Советскую Россию.

Конечно, все это было понято с большим трудом, но как бы то ни было эстонский пример показался соблазнительным, и за миром с Эстонией последовал мир с Латвией, Литвой, Финляндией и Грузией.

Из государств, ранее входивших в состав Российской Империи, оставалась только одна Польша, которая была упорнее всех в своих предрассудках и тщеславнее всех в своем ослеплении.

Польша с самого начала своего государственного возрождения была признана равноправным членом белогвардейской семьи. Польша имела свою государственную историю. Польша в течение мировой войны признавалась даже царским правительством и потому, в отличие от других, могла не опасаться, что реакционная власть в России, в случае своей победы, не признает польской самостоятельности. Но с другой стороны—аппетиты Польши были так велики, что рассчитывать на удовлетворение их мирным путем она никак не могла и потому стремилась к войне.

В своей гордыне авантюристские польские политики мечтали о «великой Польше в границах 1772 года», т.-е. о границах по самый Киев и Смоленск. Заходили еще дальше, и в своих мечтаниях захватывали даже Киев и всю Украину и мнили себя новыми спасителями «культурной Европы от варварского большевизма».

Мирные предложения России и Украины, даже очень далеко идущие, не принимались, и Польша, воспользовавшись моментом, когда советские республики были окружены врагами со всех сторон, двинула против них свои, как тогда ей казалось, победные полки.

Вот тут-то решительно сказались результаты мирной политики Советской России. Все старания Антанты, главным образом, Франции, вовлечь в войну против России окраинные государства ни к чему не привели. Ни Эстония, ни Латвия, ни Литва, ни даже Финляндия, не пожелали рисковать собою

ради бесполезных для них империалистических выгод Франции. Даже чрезмерно расчетливая Румыния была настолько осторожна, что не решилась ввязаться в эту войну. Все попытки создания различных «Малых Антант», то под гегемонией Польши, то Венгрии, то Румынии не могли осуществиться, и Польша вынуждена была вести войну своими силами, поддержанная только никчемным Петлюрой и совершенно бессильным уже Врангелем.

И в другом отношении сказалась политика России: мировой пролетариат, еще бессильный *активно* помочь советским республикам, оказался, однако, достаточно сильным, чтобы помогать им *пассивно и во всяком случае не вредить*. Материальная поддержка Польши также со стороны больших империалистических государств была чрезвычайно затруднена, ибо рабочие всего мира решительно отказывались грузить амуницию и снаряжение, предназначенные для Польши. Так в этой войне, в которой весь буржуазный мир делал свою последнюю ставку на Польшу и проводил свою последнюю попытку уничтожить силой Советскую власть, — симпатии всего пролетарского мира были на стороне России и Украины, а не на стороне Польши. В атмосфере такого сочувствия и пассивного содействия победоносные Красные войска отбили все наступления польских войск и подошли к стенам Варшавы. Тогда непримиримая до сего Польша заговорила о мире.

Но и самая война со своей стороны еще раз подтвердила особенность советской политики и честное миролюбие ее. Когда Красная Армия заняла почти всю Литву, Россия и Украина, немедленно по миновании стратегической надобности, очистили напоенные кровью российских и украинских рабочих и крестьян литовские территории и передали их освобожденному ими же от польского ига литовскому народу. Это опять было небывалым еще в истории актом честной политики, и та же политика проводилась во весь период мирных переговоров с Польшей.

Переговоры эти длились почти семь месяцев. Начались они в Минске, в момент когда Красные войска стояли под самой Варшавой, продолжались в период наивысших военных неудач России и Украины и закончены были в международной обстановке, когда сила советских республик находилась вне всяких сомнений, а слабость буржуазного мира и особенно слабость Польши проявилась чрезвычайно рельефно.

Как ни изменчиво было военное счастье на фронте, но российско-украинско-польская война убедила всех в том, что

и военная сила все же не на стороне врагов России и Украины.

Поэтому, даже когда начались военные неудачи России и Украины, о сокрушении их никто уже не помышлял. Мирные переговоры были продолжением боев, но не на поле брани, а за столом мирной конференции. Здесь не было борьбы двух армий, но борьба двух мировоззрений. Планомерное проведение политики мирного наступления требовало от России и Украины наглядной демонстрации их миролюбия и выявления резкого отличия их от всех империалистических государств в смысле верности своим принципам и отсутствия у них агрессивности и империалистических аппетитов.

И в период наибольших военных успехов советская делегация выдвинула только такие требования, которые должны были обломить авантюристское острие польской агрессивности, но ни в коем случае не были чрезмерными для Польши. Тогдашний председатель российско-украинской Мирной Делегации, Данишевский, на втором же заседании Мирной Конференции в Минске подчеркнул, что «войска Р. С. Ф. С. Р. и У. С. С. Р. штыками ни одному народу не навязывают своего государственного строя и своего хозяйственного и экономического уклада жизни, коммунизма». «Народы сами,—заявил он от имени обеих советских республик,—свободно должны решать свою судьбу, и мы заявляем также и в данном случае, что штыками армий Р. С. Ф. С. Р. и У. С. С. Р. мы не намерены насаждать в Польше советский государственный строй и коммунизм. Коммунистический строй возможен только там, где громадное большинство трудового народа прониклось мыслью воздвигнуть его собственными силами. Задача нашей героической армии одна единственная: защитить трудовые республики против всех многочисленных внешних отчасти и внутренних врагов, которые мешают рабочим и трудовому крестьянству Р. С. Ф. С. Р. и У. С. С. Р. взяться за свободный созидательный труд. Мы обороняемся, мы никого не хотим ни уничтожать, ни экономически ослаблять». Это было заявлено в момент, когда польские военные силы казались окончательно сокрушенными, и падение Варшавы ожидалось с минуты на минуту...

Но совершенно иначе вела себя Польша. Ни на секунду не забывала она своих великодержавных фантазий. В моменты неудач она скромно отмалчивалась, в моменты военных успехов жадно вытягивалась и выдвигала требования,

для России и Украины совершенно неприемлемые и непосильные.

Когда переговоры возобновились в Риге и Польше, а также, вероятно, ее империалистским учителям понятно стало, что, несмотря на временные неуспехи красного оружия, исход продолжающейся войны несомненно выпадет не в пользу Польши,—последняя своей идеи о границах 1772 г. все же по существу не отбросила, а изменила только формы попыток осуществления ее. Речь велась уже не о том, чтобы присоединить к Польше этнографически не относящиеся к ней территории, но о том, чтобы под видом их самостоятельности оставить их в сфере польского влияния и воздействия. Это было возрождением германской попытки своеобразного проведения аннексий под видом «самоопределения».

Россия и Украина, открыто заявившие в самом начале возобновившихся переговоров о своей готовности итти, особенно в территориальных вопросах, на самые большие уступки, конечно, не могли согласиться на такие требования и энергично противодействовали этой захватной политике Польши. Но даже после того, как прелиминарный мир был уже подписан и Польша как будто отказалась от своих аннексионистских намерений, вновь выплыла идея буферизма, т.-е. создания между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, ряда буферных не советских и, следовательно, враждебных России и Украине республик.

Польское военное командование, казуистически толкуя параграф перемирия, где говорилось о выводе войск и не было дано точного срока этого вывода, пыталось оставить свои войска на занимаемых ими позициях и таким образом до бесконечности оккупировать территории, согласно прелиминариев уже признанные не польскими, а российскими, белорусскими или украинскими.

Повидимому Польша, боявшаяся только фактической войны, подписав прелиминарии, в тот период вообще не помышляла еще об окончательном мире с Россией и Украиной и держала все время камень за пазухой с целью в любой удобный момент опять бросить его, и только неожиданно быстрая для всего буржуазного мира ликвидация Врангелиады принудила Польшу образумиться и перейти к более реальной политике.

Опираясь на более разумно и реально мыслящие элементы польского общества, российско-украинская делегация все время должна была бороться с авантюристской и бес-

прерывно колеблющейся политикой Польши и добилась, наконец, того, что даже наиболее авантюристские элементы командующих классов Польши отказались от этой для самой же Польши пагубной политики.

Это далось не легко, ибо различные борющиеся внутри Польши партийные группировки, по различному относившиеся к миру с Россией и Украиной, еще недостаточно определились, и демократические партии, искренне желавшие честного мира, еще не одержали победы над партиями, пытавшимися проводить войну под знаменем мира. К умению использовать различные борющиеся внутри Польши течения и, сталкивая их друг с другом, добиваться осуществления своих интересов—сводилась вся дипломатическая ловкость советской делегации.

Но неожиданно появилась и другая поддержка. Разница между тактикой обеих договаривающихся сторон так резко сказывалась, что, несмотря на ненависть всего буржуазного мира к большевизму, во время переговоров симпатии общественного мнения, даже буржуазии, в лице нескольких десятков представителей европейской и американской буржуазной прессы оказались все же на стороне России и Украины. Как рассказывали во время переговоров, английские журналисты открыто заявляли членам польской делегации, что «российско-украинская мирная делегация одерживает в Риге одну дипломатическую победу за другой». И хотя, опять-таки как рассказывали, польская делегация в то время еще могла отвечать, что Польша зато одерживает победы на фронте, но нужно прямо признать, что эта атмосфера сочувствия прессы принесла существенную пользу российско-украинской делегации во время мирных переговоров, ибо могла быть использована для давления на слишком зарывавшиеся части польской делегации.

Когда начались переговоры по финансово-экономическим вопросам, трудности казались совершенно непреодолимыми. Разрешить вопросы финансово-экономического характера с государствами, ранее входившими в состав бывшей Российской Империи, вообще нелегко, ибо каждая бывшая часть России считает себя сонаследницей всего ее достояния. Ведь столкнулась же Россия в переговорах с Литвой с требованием вооружения, снабжения и снаряжения для Литвы одного армейского корпуса на том-де основании, что Российская Империя имела единую армию, которая содержалась средствами всех народов, населявших эту Империю. (Правда, это требование выдвинуто было только одним из членов

литовской делегации и не поддержано было ее председателем).

В переговорах же с Польшей эти вопросы должны были быть особенно трудными, так как Польша, во-первых, была самой богатой и самой большой из составных частей бывшей Российской Империи, а во-вторых, в данное время находилась в совершенно безвыходном финансовом и экономическом положении и вынуждена была «рвать» что только возможно; к тому же так-называемая «Ликвидационная комиссия по делам Польши», работавшая еще при правительстве Керенского по вопросу о расчетах и ликвидации отношений между Россией и Польшей, оставила в наследство совершенно астрономические цифры, и польская делегация, вернее некоторая часть ее, в начале переговоров воображала, что Россия и Украина именно эти цифры должны будут принять. Лица, со стороны Польши руководившие переговорами по финансовым и экономическим вопросам, отличались редким отсутствием политического понимания и такта. Карьеристские соображения у них, повидимому, играли первенствующую роль, и, несомненно представляя интересы торгово-промышленных кругов Польши, они, даже поняв, что их аппетиты ни в коем случае не могут быть и не будут удовлетворены, не решались сами отказаться от своих баснословных претензий и переносили вопросы из одной инстанции в другую, высшую, стараясь возложить одиум уступчивости на других членов польской делегации и, в конечном счете, на ее председателя — г. Домбского, представителя крестьянской партии, искренно стремившейся к миру. Борьба классов внутри Польши все время отражалась и в мирных переговорах, что еще более затрудняло и затягивало их, и не даром один из экспертов польской мирной делегации к концу переговоров обмолвился остроумным парадоксом: «Если бы народы знали, как трудно вести мирные переговоры, то они никогда не воевали бы».

По вопросу о реэвакуации польского имущества, вывезенного во время войны, польская часть финансово-экономической комиссии долго и упорно защищала точку зрения, собственно говоря, ничего общего с реэвакуацией не имеющую, и требовала воссоздания всего того, что находилось в Польше в 1914 году, с уплатой Россией и Украиной стоимости того, что окажется пропавшим. Все возражения, что это является *реституцией*, а не *реэвакуацией*, что многое во время мировой войны могло погибнуть, могло быть *вывезено* вовсе не в Россию или Украину, а захвачено германскими

или австрийскими войсками, наконец, могло быть во время российско-украинско-польской войны разграблено самими польскими войсками, — все эти и многие подобные доводы не действовали долгое время, и с большим трудом польская делегация пришла, наконец, к российско-украинской точке зрения, которая и была зафиксирована в договоре.

Та же тактика была развита польской делегацией и по вопросу о возвращении Польше культурных ценностей, вывезенных оттуда со времени первого раздела Польши в 1772 году. Пользуясь тем, что нынешняя Россия не может одобрительно относиться к этому акту насилия, польская делегация, уже отказавшаяся от мысли о политическом восстановлении Польши в границах 1772 года, продолжала предполагать, что необходимо и возможно такое восстановление Польши в культурном отношении. Россия и Украина, которые в своих декретах и в своих официальных заявлениях постоянно шли и идут максимально далеко в области удовлетворения культурно-национальных потребностей, по существу и не спорили против этого. Российско-украинская делегация доказывала только, что со времени вывоза культурных ценностей из Польши, в России создались культурные сокровищницы, имеющие не национальное, но общечеловеческое значение, в которые как неразрывное звено вошли и польские культурные сокровища; не защищая несколько своих национальных интересов, Россия все же ни в коем случае во имя польских национальных интересов, не может разрушить того, в чем *заинтересовано все человечество*; здесь Россия выступает только в роли хранительницы общечеловеческих сокровищниц, и поэтому, несмотря на пристрастное отношение всего буржуазного мира к Советской власти — Россия и Украина готовы разрешению этого вопроса передать культурному человечеству, и предлагают поэтому для разрешения на практике вопросов о выдаче или невыдаче тех или иных предметов обратиться к арбитражу в лице *какого-нибудь авторитетного ученого учреждения*, — конкретно предлагалась даже французская Академия Наук, несмотря на особенно злостное отношение Франции к Советской России.

Польша категорически отвергла все эти предложения, несмотря на то даже, что в свое время сама предлагала арбитраж при разрешении спорных вопросов по *резьбакуации частно-владельческого имущества*. В данном вопросе Польша настаивала на своем формальном праве получать то, что у нее было вывезено, и самой решать, подлежит ли это выдаче из российских хранилищ или не подлежит. Характернее

всего было то, что даже польская экспертиза сначала не решилась защищать столь варварской точки зрения и в подкомиссии *по существу* принимала выдвинутые российско-украинской делегацией принципы. В конце-концов в виду болезненности этого вопроса для польского национального самолюбия и в полной уверенности, что как бы эта статья в договоре ни была формулирована,—на деле все равно до действительного разрушения имеющих общечеловеческое культурное значение российских сокровищниц никогда не дойдет,—российско-украинская делегация удовлетворилась установлением в договоре *принципа* невозможности разрушения таких имеющих общечеловеческое значение хранилищ и отказалась от своих конкретных предложений арбитража и т. п.

Не менее типичным для доказательства разницы мировоззрений был спор «варварских» большевистских России и Украины с Польшей по вопросу о правах национальных меньшинств. Здесь польская делегация сначала представила свой проект, который устанавливал, собственно говоря, права католической церкви в России, но ни слова не говорил о правах национальных меньшинств; притом эти требования были предъявлены с сохранением совершенно средневекового миросозерцания—до требования религиозных конгрегаций включительно. Когда на все эти дефекты польского проекта было решительно указано, и российско-украинская делегация представила свой контр-проект, польская делегация в общем и целом приняла последний, но до конца упорно отказывалась включить евреев в число тех национальных меньшинств, права которых защищались этой статьей.

И в других вопросах, где российско-украинская делегация защищала так-называемые демократически-либеральные позиции,—противодействие Польши было особенно сильно. В статье об амнистии Россия и Украина предлагали признать амнистию также и за собственными гражданами обеих договаривающихся сторон, за деяния, совершенные ими во время войны в пользу противной стороны. Польская делегация категорически отклонила это, отклонила она также и ослабленное предложение российско-украинской делегации о предоставлении амнистии хотя бы только гражданам оккупированных во время войны территорий, за деяния, совершенные ими во вред оккупационной власти. Все эти столкновения демонстрировали уже не только миролюбие Советской России, а наглядно доказывали, как правдивы рассказы о большевистской жестокости, терро-

ризме и варварстве в противовес буржуазной мягкости и гуманности.

Но как ни трудны были эти вопросы—вопросы расчета и ликвидации, как указано, были еще много труднее. Для доказательства достаточно привести несколько цифр. Одну только претензию на свою часть золотого запаса бывшей Российской Империи Польша сначала определяла в триста миллионов золотых рублей, а общая сумма польских претензий к России и Украине исчислялась некоторыми членами польской делегации в миллиард четыреста миллионов золотых рублей!

Понимания того, что для России и Украины *просто непосильны* такие обязательства, даже если бы эти требования по существу были вполне справедливыми, у Польши в начале переговоров не было, а некоторые члены польской делегации не поняли этого и до самого конца. Но политическое чутье и здравая рассудительность демократических партий Польши, частью во время переговоров представляемых председателем польской делегации, повидимому, соответственно информировавшими свое правительство, принесли тут свою серьезную пользу и, в связи со все меняющейся международной конъюнктурой и все реальнее вырисовывавшейся во время переговоров истинной физиономией советских республик и Советской власти вообще—в конце-концов привели к тому, что Польша, как и другие ее предшественники, из врага России и Украины превратилась если не в друга их, то все же стала политически и экономически на них ориентироваться и, получив даже в мирном договоре не более одной десятой того, на что сначала совершенно метафизически рассчитывала, признала, что единственной реальной помощью, на которую в своем тяжелом финансовом и экономическом положении может рассчитывать Польша—является помощь России и Украины. Повторилось то, что было следствием всех мирных переговоров России: великодержавный империализм потерял одного из своих сильнейших друзей и сподвижников, а советские республики одного из злейших своих врагов.

III.

От наступления к обороне.

Но эти результаты, быть может, никогда не были бы достигнуты, если бы общая международная обстановка не

развивалась в соответственном направлении. То, что Маркс некогда сказал о буржуазном строе вообще, неизменно повторяется и в отношении отдельных этапов буржуазно-империалистической политики. Не только «буржуазия является собственным своим могильщиком», но постепенно развивающаяся империалистическая политика постепенно хоронит империалистические основы ее.

Вынужденный фразеологически принять выдвинутые российской революцией принципы мирной политики, империализм, конечно, не мог отказаться от самого себя, а внутренняя сущность его находится в резком противоречии с указанными принципами.

Поэтому, практическое проведение империалистическими государствами этих принципов в жизнь фактически *отрицало их*, и создание новых государств на основе самоопределения должно было быть использовано империализмом в целях создания таких республик, которые *самостоятельно существовать не могли* и целиком зависели от расположения и милости к ним, так-называемых, великих держав. Применение чисто-этнографического признака при организации указанных государств, облегчив совершенно несуразную конфигурацию их территорий, приводило к созданию всяких коридоров и коридорчиков, что в свою очередь служило целям ослабления, как самих этих вновь создавшихся республик, так и тех старых больших государств, из части которых они создавались; державы-победительницы таким образом осуществляли свою гегемонию над миром. Созданная ими Лига Наций явилась еще одним орудием для проведения этой же гегемонии и господства сильных над слабыми. Хорошие, популярные в массах, ими защищаемые принципы обращались в собственную свою *противоположность*, и массы, постепенно понимая это, все более теряли веру в лживых исполнителей своей воли и все решительнее отходили от них. С другой стороны, все острее развивались внутренние противоречия в самом империалистическом лагере. При дележе добычи все чаще и чаще слышался глухой рев зарвавшегося империалистического зверя, и мрачный призрак новой кровавой войны поднимался все чаще над измученным, залитым слезами и кровью миром. То, что ранее называлось Антантой, т.-е. союзом ряда империалистических государств, фактически давно уже перестало существовать, и каждый из недавних союзников проводил всю свою политику, считаясь только с собственными интересами, вопреки, а зачастую и во вред интересам других союзников.

Если бы в мире не существовало никакой другой силы кроме империалистической, карта мира кроилась бы и пере-краивалась неоднократно, и, быть может, это портняжество действительно привело бы к новым кровавым боям. Но в мире уже народилась рабоче-крестьянская власть, и боролись советские республики; красное знамя реяло над этим миром и привлекало к себе всех тех, кто разочаровался в своих старых руководителях и начал понимать их обман. Если в начале российско-украинско-польской войны только мировой пролетариат не желал поддерживать наступления на Россию и Украину мирового империализма, а, наоборот, фактически даже поддерживал Советские республики,—то в середине этой войны и малые буржуазные республики, понявшие свое угнетение, отказались помогать большим империалистическим хищникам, а в конце ее они все постепенно переходили в сферу влияния России и Украины и открыто искали у последних помощи и защиты от своих недавних друзей и руководителей. Один договор за другим, против воли Антанты и *против ее империалистических целей и намерений*, заключала Россия, и особенно на Востоке невероятно высоко подымался престиж ее. Наоборот, престиж буржуазных государств падал все ниже и ниже. Последняя Женевская Конференция Лиги Наций еще более резко подчеркнула лицемерие империалистической политики. Созданная якобы для защиты малых государств, Лига Наций отклонила ходатайство этих государств о принятии их в Лигу и при разрешении, например, литовского вопроса молчаливо покрывала насилие, совершаемое Польшей над многострадальным литовским народом. Одна только Россия опять-таки поддержала в этот момент Литву и фактически спасла ее от политического уничтожения.

Внутренние противоречия, бесконечно раздиравшие каждое из империалистических государств, беспрерывно ссорившие их между собой и, таким образом, постоянно создававшие угрозу новой мировой войны, также не могли, конечно, способствовать усилению престижа империализма. Не могла, например, Англия; варварски расправлявшаяся с Ирландией, внушать доверие борющимся за свою независимость малым и угнетенным народам. Не внушала такого доверия и вся так-называемая Антанта, которая как раз в это время пыталась навязать Германии условия, при своем действительном осуществлении несомненно приводившие к гибели всего германского народа.

С другой стороны, прежнего *престижа* силы у империализма тоже уже не было. Тот, кто дерзал идти против воли великих держав, оставался безнаказанным и мог свою волю осуществлять. Когда Польша под псевдонимом «мятежного» генерала Желиговского оккупировала почти всю Литву, все старания Лиги Наций разрешить вопрос мирным путем ни к чему не привели. Империалистические державы протестовали, но Польша, нисколько не считаясь с этим протестом, продолжала свой поход, и конечная попытка Антанты инсценировать *quasi*-плебисцит в Литве с введением туда международных отрядов, попытка, могущая при своем осуществлении еще облегчить Польше аннексию Литвы, в сущности говоря, была *полной капитуляцией великих держав перед непочтительной дерзостью польского империализма*. А так как эта попытка не осуществилась только благодаря вмешательству России, то и этот эпизод, еще более уронив престиж Антанты, еще более поднял престиж России.

В то же самое время нарастал небывалый промышленный и торговый кризис. Причины его иные, чем причины всех экономических кризисов до сего времени. Перепроизводства товаров не существует, но государства с высокой валютой ничего не могут вывозить благодаря своей высокой валюте, делающей недоступной для других государств с низкой валютой цену на их товары. С другой стороны, широкие массы потребителей во всем мире настолько обнищали, что не в состоянии покупать им необходимое; спрос еще более уменьшается, и производство должно сокращаться. Как и при всяком кризисе, миллионы рабочих оказываются выброшенными на улицу и вынуждены в буквальном смысле слова умирать с голоду.

Трудящиеся всего мира решительно требовали возобновления экономических сношений с Советской республикой, видя в этом свое спасение; в то же время, имея перед глазами пример государств, где вся полнота власти находится в руках самих трудящихся и где поэтому нет места трагическим катаклизмам буржуазного строя, все более и более склоняются к мысли совершить попытку такого захвата власти и у себя дома. Капиталистически же слабые государства все более убеждаются, что и финансово-экономической помощи им от крупных буржуазных государств не получить и все решительнее направляют поэтому свои надежды в сторону Советских республик. Так, наиболее верные прозелиты и сторонники Антанты, вроде латвийского министра ино-

странных дел, г. Мееровица, в своих последних выступлениях уже открыто говорят о силе Советской России и о том, что единственное спасение создавшихся на территории б. Российской Империи республик—в установлении прочных и реальных экономических сношений с Россией.

Все это вынуждает империалистический мир переменить тактику и *от наступления на советские республики перейти к обороне от них.*

Конечно, перемена фронта произошла не сразу. Агрессивный империализм нет-нет да и оглядывался в прошлое и возвращался к старым, уже забракованным и осужденным историей, методам. Вынужденная признать мир с Эстонией и снять экономическую блокаду с России, Антанта пыталась под другой видимостью установить такую же блокаду и инсценировать новую интервенцию, вместо Юденича избрав Врангеля, а вместо Эстонии—Польшу. Вынужденная признать прелиминарный мир с Польшей и молчаливо снести разгром Врангеля, она попыталась в районе оккупации Желиговского создать новое наступление, прикрываясь Балаховичем и Савинковым и стараясь вовлечь в эту новую авантюру всех соседей России под тем предлогом, что район Желиговского никому не принадлежит и, следовательно, боевые действия там в случае необходимости могут быть казуически объяснены как ненарушающие заключенного этими государствами с Россией мира.

Но все эти попытки либо разбивались о героическое сопротивление рабоче-крестьянской России, либо уничтожались, не успевши стать реальными.

И когда со всеми своими неизбежными ужасами развилась экономическая катастрофа, буржуазный мир взялся за другое оружие.

Прежде всего надо было ослабить престиж Советской власти. Поэтому по всему миру стали трубить о советской агрессивности и советском империализме, начали поступать «достоверные» сведения о концентрации сил Красной Армии, то у одной, то у другой из границ России. Этим как-будто бы хотели сказать: «Глядите, Россия не лучше нас; как только стало ей легче и она расправилась со своими врагами—она пытается расправиться и со своими более слабыми соседями, лишить их самостоятельности и опять присоединить их к себе. Ждите войны со стороны России; трепещите и надейтесь на нас—мы вам поможем». И для вящей демонстрации реальности этой помощи торжественно *de jure* признаны были все эти, до сих пор непризнававшиеся, маленькие

республики и милостиво включались в «братскую» семью (борющихся между собой до изнеможения) буржуазных государств.

Но «мирное наступление» советских республик шло своим чередом. Ложь очень скоро оказывалась ложью, и клевета — клеветой. Лживым словам противопоставлялись истинные факты. Никаких красных полков на границах России не концентрировалось, и, наоборот, все свое влияние Советская Россия использовала в целях спасения и защиты слабых государств от империалистических вождельств их более сильных соседей. Убежденные фактами, в советский империализм уже не верили. Никто не трепетал, и все в то же время превосходно понимали, «что из de jure — шубы не сошьешь», и что сотня пудов нефти или зерна из советских республик в тысячу раз выгоднее миллиона торжественных деклараций Антанты.

По принципу «клеветщи, клеветщи — что-нибудь да останется», — буржуазия продолжает клеветать, но в то же время, уступая требованию своих собственных масс, сама вынуждена заключать торговые соглашения с Россией, продолжая, однако, свою политику дискредитации последней. Тем же массам, которым в виде уступки преподносятся торговые договоры с Россией, необходимо ведь доказать, что Советская власть вовсе не идеал и не рай, и услужливая, ловкая буржуазная пресса изобретает одно восстание российских, украинских и т. д. рабочих и крестьян, матросов или красноармейцев за другим.

Но так как результаты показали, что только изобретать мало действительно, только лгать невозможно, ибо обман слишком скоро раскрывается, — то мировая буржуазия все свои силы направляет на то, чтобы хоть что-нибудь враждебное Советской России *действительно инсценировать* то тут, то там в советских республиках. В силу действительно тяжелых условий жизни это иной раз удается, и *интервенция международного империализма принимает новые формы*. Лакеи империализма начинают убедительно доказывать, что тот дурак, кто верил в возможность уничтожения большевизма военной силой, и всякие Савинковы пишут своим хозяевам докладные записки, в которых убеждают, что взять большевизм можно «опираясь только на внутренние силы русского народа и их недовольство». Правда, те же Савинковы вынуждены признать, что несмотря на недовольство и тяжелые условия жизни в советских республиках, этих «внутренних сил», на которые они могли бы опереться, чрезвычайно мало,

Для целей самообороны буржуазного мира это все же годится, и мировой империализм поэтому таким путем продолжает развивать свою оборону против... самого себя. Но Советская власть уже выросла в такую силу, когда «оборонительное наступление» империализма ей мало страшно и ее собственная «наступательная оборона» может стать более активной.

IV.

От обороны к наступлению.

Мирное наступление советских республик, которое фактически было их обороной от наступления мирового империализма, таким образом привело к победе Советской власти на всех фронтах.

Но победа эта далась нелегко. Измученные, обессиленные в неравной борьбе, истощенные до изнеможения, залитые кровью советские республики, *сами не могут обойтись без буржуазных государств, покуда те еще существуют.*

С другой стороны, несмотря на раздирающие его внутренние противоречия, буржуазный мир еще достаточно устойчив и силен, чтобы держаться, а горести и страдания советских республик, несмотря на чрезвычайно высоко стоящий престиж рабоче-крестьянской власти, в свою очередь задерживают темп развития мировой пролетарской революции. Особенно в данный момент, в период еще небывалого по своей тяжести мирового промышленного кризиса—международный пролетариат слишком слаб, чтобы рисковать немедленно брать власть в свои руки. В отчаянии, в изнеможении он совершает и будет совершать более или менее удачные вылазки, но «последний и решительный бой» мирового пролетариата против мировой буржуазии отсрочивается на неопределенный срок; в отличие от предвоенной и предреволюционной эпохи пролетариат во всем мире уже борется за власть, за осуществление своей диктатуры, но *последний час* его победы еще не наступил.

И все же обломано уже агрессивное острие империалистической хищности. Если не может революция немедленно победить капитализм, то и последний не в силах уже раздавить революцию, и мир вступает в стадию своеобразной «кооперации» буржуазных республик с советскими. Неизбеж-

ная, беспощадная борьба труда с капиталом должна продолжаться. Горячие схватки, в свою очередь ослабляющие капитализм и подрывающие основы его, будут быть может более ожесточенными, чем когда-либо, но на известный период времени неизбежно и возможно существование Советской власти *в пределах капиталистического мира.*

В борьбе этого последнего против советского режима обороняющейся стороной теперь должен явиться капитализм, слишком уже слабый, чтобы решительно наступать, но достаточно еще сильный, чтобы существовать и бороться за свое существование. Диалектический круг таким образом замыкается. Решительное наступление пролетарской революции на капиталистический мир, перешедшее в свою противоположность,—в революционную оборону против наступления воинствующего империализма, опять становится революционным наступлением, но уже иным. Наступление Советской власти не может идти и развиваться тем путем, которым шло еще недавно наступление империализма, но оно и не может быть революционным наступлением, стремящимся только к мировому революционному пожару.

Советская власть не нуждается в военных интервенциях, т. е. она не может силою вмешиваться во внутренние дела буржуазных государств, насильно насаждая там Советский строй. Победивший пролетариат превосходно знает, что его победа там только прочна, где она опирается на внутренние социальные силы, и он может спокойно дожидаться того времени, когда это соотношение сил в каждом данном государстве приведет там к внутреннему революционному перевороту. Но *Советская власть уже не нуждается также и в том, чтобы только обороняться от наступления империализма и свою «мирную оффензиву» проводить только в целях самозащиты. Советская власть достаточно укрепилась, чтобы выступать активно-наступательно.*

Буржуазный мир считает на штыки. В советских республиках их несколько миллионов, и притом Красная Армия является единственной армией в мире, которая в случае необходимости готова и может воевать, в то время как армии буржуазных государств давно уже не желают проливать своей крови во имя чуждых и враждебных им капиталистических и империалистических интересов.

Это не значит, конечно, что Красная Армия должна пойти войной против буржуазных государств, но это значит, что в своих действиях, в своей политике буржуазные государства должны считаться с советскими республиками и

что последние могут практически осуществлять и свои реальные интересы.

Как некогда в период организации сильной социал-демократии внутри буржуазной Германии, лучший буржуазный политик, Бисмарк, вынужден был признать, что он не делает ни одного шага и не принимает ни одного решения, не подумав предварительно, что на это скажет и как к этому отнесется германская социал-демократия, так теперь в период организации сильных советских республик ни одно буржуазное государство даже из самых великих не может сделать ни одного шага, не может принять ни одного решения, не обсудив предварительно, что на это скажут и как к этому отнесутся советские республики.

Из потенциальной защитницы угнетенных народов и классов Советская власть становится их активной защитницей и, никому силой не навязывая своей воли и своих принципов, она в то же время может теперь фактически не допустить, *чтобы чужая воля и чужие принципы силой кому бы то ни было навязывались.* Из арены империалистической борьбы передравшихся между собой империалистских хищников советские республики становятся прибежищем и защитой всех страдающих от империалистического грабежа.

За зеленым столом «международного концерта» открывается уголок для красного сукна советских республик, и решения буржуазных государств более не могут приниматься без заслушания мнения советских республик и без реального учета этого мнения.

Буржуазная Антанта умерла и не воскреснет вновь, и вместе с ней погребена ее империалистическая гегемония. Место последней занимает новая рабоче-крестьянская Антанта советских республик, и эпоха «кооперации» буржуазных государств с советскими должна быть эпохой политической гегемонии последних над первыми.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. Агрессивность мирового империализма. Две причины ее	5
II. Самооборона Советской власти	9
III. От наступления к обороне	31
IV. От обороны к наступлению.	37

Цена 150 руб.

